
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОГРОМЫ: ЛИТВА И БЕЛАРУСЬ В НАЧАЛЕ XX в.

Д. СТАЛЮНАС¹⁾

¹⁾Институт истории Литвы, ул. Кражю 5, 01108, г. Вильнюс, Литва

Утверждается, что очень продуктивным может оказаться сравнение ситуации в Литве и Беларуси при изучении антиеврейского насилия в имперской России. Отмечено, что если в начале 1880-х гг. интенсивность антиеврейских настроений и насилия была небольшой, по сравнению с югом империи, то во время революции 1905 г. разница между этими двумя регионами уже была ощутимой (единичные случаи погромов в Литве и около 70 инцидентов в Беларуси в период с 1903 по 1906 г.). Утверждается, что главной причиной оказался антиимперский характер и литовского, и польского национального движения, в то время как в Беларуси часть православного населения была готова защитить царя и проучить революционеров-евреев.

Ключевые слова: погром; Беларусь; Литва; Российская империя; модернизация; конфессия.

МАДЭРНІЗАЦЫЯ І ПАГРОМЫ: ЛІТВА І БЕЛАРУСЬ НА ПАЧАТКУ XX ст.

Д. СТАЛЮНАС^{1*}

^{1*}Інстытут гісторыі Літвы, вул. Кражу, 5, 01108, г. Вільнюс, Літва

Сцвярджаецца, што вельмі прадуктыўным можа аказацца параўнанне сітуацыі ў Літве і Беларусі пры вывучэнні антыяўрэйскага гвалту ў Расійскай імперыі. Адзначана, што калі на пачатку 1880-х гг. інтэнсіўнасць антыяўрэйскіх настрояў і гвалту і была нязначнай у параўнанні з поўднем імперыі, то падчас рэвалюцыі 1905 г. розніца паміж гэтымі двума рэгіёнамі ўжо была адчувальнай (адзінкавыя выпадкі пагромаў у Літве і каля 70 інцыдэнтаў у Беларусі ў перы-

Образец цитирования:

Сталюнас Д. Модернизация и погромы: Литва и Беларусь в начале XX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;3:49–54.

For citation:

Staliūnas D. Modernization and pogroms: Lithuania and Belarus at the beginning of the XX century. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;3:49–54. Russian.

Автор:

Дариус Сталюнас – доктор исторических наук; заместитель директора.

Author:

Darius Staliūnas, doctor of historical science; vice-director. darius.staliunas@istorija.lt

яд з 1903 па 1906 г.). Сцвярджаецца, што галоўнай прычынай стаў антыімперскі характар і літоўскага, і польскага нацыянальнага руху, у той час як у Беларусі частка праваслаўнага насельніцтва была гатова абараніць цара і правучыць рэвалюцыянераў-яўрэяў.

Ключавыя словы: пагром; Беларусь; Літва; Расійская імперыя; мадэрнізацыя; канфесія.

MODERNIZATION AND POGROMS: LITHUANIA AND BELARUS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

D. STALIŪNAS^a

^a*Lithuanian Institute of History, 5 Kražių Street, Vilnius 01108, Lithuania*

In this article I argue that Lithuania is a very suitable region for comparison with Belarus, when investigating the anti-Jewish pogroms in the 19th century. If at the beginning of the 1880s the scale of anti-Jewish violence was minor in both the Lithuanian and Belarusian provinces, then during the 1905 revolution and even on its eve the situation in these two regions already differed radically (few pogroms in Lithuanian and approx. 70 in Belarus' between 1903 and 1906). This article argues, that it was the anti-tsarist nature of Lithuanian and Polish nationalism that is the most important difference between Lithuania and Belarus during the Revolution of 1905, when a wave of pogroms swept through the Russian empire, including Belarus, one of the main reasons for which was a desire on the part of the Orthodox population to teach the Jews a lesson for being revolutionaries.

Key words: pogrom; Belarus; Lithuania; Russian Empire; Modernization; Confession.

Настоящая статья подготовлена на основании написанной нами в 2015 г. монографии [1]. Долгое время в историографии, посвященной антиеврейским погромам в империи Романовых, господствовало убеждение в том, что погромы были организованы имперскими властями. Основателем такой интерпретации является известный историк и еврейский общественный деятель позднеимперского периода Семен Дубнов. Однако эта интерпретация, которая и сейчас имеет небольшое число последователей, на данный момент не представила убедительных доказательств и, что не менее важно, не совсем логична. С. Дубнов, например, утверждал, что на юге империи Романовых антиеврейские погромы были инспирированы царскими властями, а в Северо-Западном крае те же власти, в первую очередь виленский генерал-губернатор Э. И. Тотлебен, предотвратили массовое антиеврейское насилие [2, с. 97–147]. Никакого логического объяснения того, почему имперские власти так по-разному относились к погромам, известный историк не представил.

В центре настоящего исследования как раз и лежит Северо-Западный край, он рассматривается не как единое целое, а разделяется на Литву и Беларусь. Эти регионы понимаются в первую очередь как две территории с преобладанием одной из конфессий: Литва, т. е. Виленская, Ковенская и Сувалкская (часть царства Польского или Привислинского края) губернии, в которых большинство населения составляли католики, и Беларусь, т. е. Минская, Гродненская, Витебская и Могилевская губернии с преобладанием православного населения. В настоящей статье сделана попытка доказать, что ин-

тенсивность антиеврейского насилия в Российской империи зависела от многих факторов, в том числе и от конфессиональной принадлежности большинства населения. Именно поэтому в данном случае не так важны ментальные карты еврейского и христианского населения, включая и имперские элиты [3].

Под погромом понимаем такую форму одностороннего, коллективного, негосударственного насилия, своеобразного самосуда, к которому доминирующая группа прибегает тогда, когда теряет надежду на наказание другой этнической группы за причиненную обиду со стороны власти. При этом доминирующая группа считает всю «провинившуюся» группу ответственной за причиненный ущерб или обиду [4, р. 488]. Погромом будем считать только такие случаи насилия, которые продолжаются как минимум несколько часов и происходят в общественных местах, а также те, в которых участвуют, по крайней мере, несколько десятков погромщиков.

В начале 1880-х гг., когда по югу империи прокатилась первая волна погромов [5], в Северо-Западном крае, т. е. в Литве и Беларуси, по сравнению с южными губерниями было спокойно, поскольку несмотря на то, что наблюдалась осязательная антиеврейская пропаганда, слышались призывы к погромам и учащались нападки на евреев, ни один конфликт в Беларуси не перерос в погром, в Литве же таких случаев было только два: в 1881 г. в Балвержишках (Балбиеришкис) и 1882 г. в Приенай (оба в Сувалкской губернии).

Совсем другую ситуацию видим в начале XX в. В Литве произошло около 7 погромов, все в ма-

леньких городках (штетлах). Пострадавших было очень мало, а две жертвы – это, скорее, непредвиденный результат [1]. Иначе говоря, литовские погромщики не собирались никого убивать, а когда это случилось – сами испугались и разбежались. Картина антиеврейского насилия в Беларуси начала XX в. совсем другая: только в 1904 г. произошло примерно 30 погромов и еще около 40 – во время революции 1905 г. [1, р. 216–217; 6, р. 215–218, 228] Некоторые из этих погромов были очень жестокими: во время Белостокского погрома 1–3 июня 1906 г. было убито около 80 евреев, сотни получили ранения [7, с. 339–340].

Первый большой погром в Беларуси был совершен в Гомеле еще в 1903 г. гомельский погром, вместе с произошедшим в том же году кишиневским погромом, является символическим началом новой волны антиеврейского насилия, продолжавшегося до 1906 г. Началом конфликта стал небольшой инцидент, произошедший на гомельском рынке 29 августа 1906 г. Эпизод перерос в физическое столкновение между двумя этноконфессиональными группами, в результате был убит один крестьянин. Погром, продолжавшийся в Гомеле 1 и 2 сентября 1906 г., привел к жертвам с обеих сторон. Несмотря на то что местные революционеры и некоторые современные историки утверждают, что за погромом стояли местные власти, даже эта историография приводит факты, показывающие, что местная полиция старалась предотвратить массовое антиеврейское насилие [8, с. 35–48; 9, с. 84–85; 10, с. 91–97]. Однако следует признать и тот факт, что власти также предпринимали и меры по предотвращению еврейской самообороны.

Необходимо заметить, что интенсивность межэтнического насилия, в этом случае число и масштаб антиеврейских погромов, необязательно зависит от роли антисемитизма как идеологии. Как утверждают известные теоретики межэтнического насилия Роджерс Брубакер и Давид Д. Лаитин, даже в тех случаях, когда подобное насилие происходит на основе уже существующих конфликтов, его следует не объяснять как натуральный продукт конфликта, а изучать как отдельный феномен [11, р. 426]. Подтверждением этому тезису может служить ситуация в царстве Польском, где, несмотря на нарастающее влияние антисемитизма, число погромов было небольшим по сравнению со многими губерниями за чертой еврейской оседлости [12, р. 219–255].

Если сравнить белорусское и литовское национальные движения, то обнаружится, что в первом случае сложно найти не только антисемитизм в смысле современной идеологии, но и любые выраженные формы юдофобии, особенно если анализировать главный рупор белорусского национального движения – газету «Наша нива» [13, р. 17].

В случае с литовским национальным движением все намного сложнее.

В конце XIX в. антисемитизм в той или иной форме проявлялся во всех главных политических течениях литовского национализма за исключением социал-демократов. Однако с начала XX в., а особенно с революции 1905 г., проявления антисемитизма либо исчезли вовсе, либо появлялись очень редко не только в публицистике либеральных деятелей, но и в публикациях деятелей правого крыла. Начиная с революции 1905 г. только клерикальная литовская пресса продолжала антисемитскую пропаганду. Изменение отношения литовских либералов и правых (кроме клерикалов, как уже было упомянуто) к евреям было связано с политизацией литовского национального движения и поиском потенциальных союзников. Литовский национализм столкнулся с трудно осуществимой задачей достижения территориальной автономии в так называемых этнографических границах, а позже – с задачей создания национального государства. Столицей этой проектируемой автономии должен был стать Вильнюс, в котором литовцы составляли около 2 % населения. Для польского национального движения этот город (как, кстати, и вся территория бывшего Великого княжества Литовского) был частью польского «национального тела», для белорусской интеллигенции – частью «этнографической Беларуси», а для имперских элит – частью Руси, т. е. русской территорией в этническом и историческом отношениях. В связи с этим во многих ситуациях начиная с XX в. литовские и еврейские деятели вели более интенсивное сотрудничество друг с другом, например, во время выборов в государственные думы в Ковенской губернии. Этот прагматический альянс уменьшает проявления антисемитизма и антиеврейской риторики в литовском национальном движении [1, р. 63–83]. В любом случае, если бы главной причиной антиеврейских погромов был антисемитизм, то больше их было бы в Литве, а не в Беларуси.

Понятно, что абсолютно идентичных погромов в Литве и в Беларуси не было, но число случаев массового насилия против евреев в обоих регионах позволяет искать общие причины, которые смогут объяснить сравнительно большое число инцидентов в Беларуси (однако, надо признать, что здесь их было намного меньше, чем на юге Российской империи) и малую интенсивность такого насилия в Литве. Произведенный сравнительный анализ позволяет указать на четыре причины, которые в разной степени могут объяснить эту разницу, представили их ниже по возрастанию степени важности.

Однако перед тем как перейти к обсуждению причин, необходимо подчеркнуть тот факт, что вряд ли можно винить имперские власти в погро-

мах. Конечно, в начале XX в. все большее число имперских чиновников, по сравнению с 1880-ми гг., пропагандировали антисемитизм. Некоторые из них, особенно представители среднего и низшего звена, как и некоторые офицеры и полицейские чиновники, подстрекали к насилию против евреев и даже сами участвовали в погромах [14, с. 20–34]. Однако для нас этот фактор вряд ли может быть важен, поскольку такие попытки предпринимались не только в Беларуси, но и в Литве. Даже если предположить, что указанные действия со стороны отдельных чиновников действительно приводили к погромам, то необходимо отметить, что эти попытки были успешными только в Беларуси, следовательно, необходимо искать другие причины для объяснения разницы между двумя регионами.

Во-первых, важную роль для распространения антиеврейских настроений могло играть географическое положение. Белорусские губернии были ближе, чем литовские, к украинским губерниям, например, к Черниговской и Киевской, где во время революции 1905 г. произошло большее число погромов, чем в любой другой губернии черты оседлости (90 и 45 соответственно) [15, с. 77]. Это важно, потому что в белорусские губернии быстрее проникали новости о погромах, т. е. легче создавалась «погромная атмосфера», иначе говоря, возникало суждение о том, что евреев можно избивать. К тому же бывали случаи, когда главными зачинщиками погромов на территории Беларуси были приехавшие из украинских губерний погромщики [16, с. 167].

В ситуации с погромами в белорусских губерниях важную роль могла играть также и более быстрая урбанизация и индустриализация в этом регионе. Исследователи ищут причины погромов 1880-х гг. на Украине именно в этих факторах. Если темпы урбанизации в Виленской, с одной стороны, и Гродненской и Минской губерниях, с другой, были более или менее одинаковые, то сравнение между Ковенской (14 % прирост городского населения с 1897 по 1910 г.), с одной стороны, и Могилевской и Витебской (69 и 48 % прирост соответственно), с другой, уже более ощутим [17, р. 183]. Социологические теории, в свою очередь, говорят о том, что коллективное насилие может быстрее возникнуть там, где большее число незнакомых людей [18, р. 107]. Говоря о промышленном производстве, особое внимание следует уделить Белостоку, где развивалась текстильная промышленность. Традиционно евреи в этом городе работали с ручными станками, а христианские рабочие – с механическими, однако на рубеже веков в некоторых предприятиях ситуация изменилась: евреи заняли «христианскую» сферу, т. е. были допущены к работе на механических станках. На этой почве начинали возникать

конфликты, во время некоторых из них христиане запугивали евреев грозящими им погромами [19, р. 39–40; 20, р. 19–22]. С другой стороны, необходимо признать, что анализ самих погромов, например белостокского, не подтверждает гипотезу о влиянии социально-экономических причин на возникновение погромов. Когда говорим «анализ самих погромов», имеем ввиду анализ в стиле так называемого культурного поворота при изучении коллективного насилия, который говорит о том, что такое насилие «культурно сконструировано, имеет смысл, символику и ритуал» [11, р. 441], а, проще говоря, погром – это инструмент доминирующей группы, использующей его как метод для передачи какой-либо вести. Расшифровать эту весть можно при тщательном анализе действий погромщиков. Так, действия во время белостокского погрома почти никаким образом не указывают на социальные или экономические причины насилия. В связи с этим можно предполагать, что конфликты на экономической почве поощряли межэтнические отношения в Белостоке, но не стали тем главным стимулом к насилию.

Третьим важным фактором выступила деятельность некоторых революционных организаций в первую очередь в том же Белостоке. В 1903–1905 гг. одной из самых влиятельных политических организаций революционного направления (если не самой влиятельной) в Белостоке были анархисты, большинство из которых – евреи. Одним из главных инструментов революционной борьбы для белостокских активистов была террористическая деятельность, причем направленная не только против государственных структур, чиновников, офицеров и солдат, но и против зажиточных жителей города. По мнению местных властей и даже БУНДа (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России), такая деятельность анархистов являлась провокацией [21, с. 208–209]. Мало кого волновал тот факт, что даже на пике деятельности анархистов их число в городе не превышало 200 человек, это была ничтожная часть белостокского еврейского общества, к тому же анархисты, как правило, обрывали все связи с общиной и в их деятельности не наблюдалось ничего еврейского. Однако в глазах христианского населения еврейское общество отвечало за деятельность каждого своего представителя. Следует уточнить, что, обращая внимание на деятельность белостокских анархистов, мы не говорим о том, что сами евреи виноваты в возникновении погромов, но, включив это обстоятельство в рассуждения, вряд ли возможно понять логику погромщиков.

Все приведенные выше обстоятельства могут в какой-то мере объяснить антиеврейские погромы в некоторых местностях Беларуси, но не во всем этом регионе. Указанных причин явно недостаточно

но для того, чтобы объяснить разницу между Литвой и Беларусью в этом отношении.

Главной причиной более интенсивного антиеврейского насилия в Беларуси, по сравнению с Литвой, был конфессиональный состав населения: в Литве господствовал католицизм, а в Беларуси – православие (в Минской, Могилевской и Витебской губерниях по данным 1858 г. православных было больше чем 70 %), что в то же время было связано с лояльностью империи Романовых и влиянием русского национализма. Многие погромы осени 1905 г. происходили по очень похожей схеме: либеральные и левые силы, в том числе и многие евреи, с радостью встречали октябрьский манифест 1905 г. и часто выходили на улицы с красными и черными флагами. У многих русских и других проимперски настроенных подданных создавалось впечатление того, что евреи вводят свой порядок. Проимперские группы на это отвечали контрманифестациями, которые часто перерождались в антиеврейские погромы. Погромы были инструментом, при помощи которого надо было «поставить евреев на место» [16, с. 167, 172–173, 183; 22, р. 213; 23, р. 272]. Типичная для Беларуси времен революции 1905 г. ситуация сложилась в Полоцке. Осенью 1905 г. в этом городе активную

деятельность развивали разные революционные еврейские организации, и эта деятельность явно раздражала консервативно и проимперски настроенные слои населения Полоцка. У некоторых представителей последних создавалось впечатление, что евреи не скрывают своей враждебности по отношению к царю и чувствуют себя хозяевами в городе. Это, по свидетельству одного современника, стало причиной антиеврейского погрома [24, S. 488–497].

В заключение следует сказать, что большое количество погромов в Беларуси и сравнительно малое в Литве можно в некоторой степени объяснить разными темпами модернизации; географической близостью белорусских губерний к украинским, где антиеврейское насилие было более интенсивным и имело старые традиции; деятельностью анархистов в Белостоке. Однако главной причиной было все же то, что в Беларуси слой населения, бывший под влиянием проимперской и русской национальной идеологии был более многочисленным, чем в Литве. Поэтому в Орше, Могилёве, Полоцке и других белорусских городах легче, чем в католической Литве собиралась критическая масса населения, готовая защищать царя, империю и православие от «еврейской угрозы».

Библиографические ссылки

1. Staliūnas D. *Enemies for a Day: antisemitism and Anti-Jewish Violence in Lithuania under the Tsars*. Budapest, New York: Central European University Press; 2015.
2. Дубнов СМ. *Новейшая история еврейского народа. Том 3: 1881–1914*. Берлин: Грани; 1923.
3. Staliūnas D, editor. *Spatial Concepts of Lithuania in the Long Nineteenth Century*. Boston: Academic Studies Press; 2016.
4. Bergmann W. Ethnic Riots in Situations of Loss of Control: Revolution, Civil War, and Regime Change as Opportunity Structures for Anti-Jewish Violence in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. In: Heitmeyer W, Haupt H-G, Malthaner S, Kirschner A, editors. *Control of Violence. Historical and International Perspectives on Violence in Modern Societies*. New York: Springer-Verlag; 2011. p. 487–516.
5. Klier JD. *Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011.
6. Lambroza Sh. The pogroms of 1903–1906. In: Klier JD, editor. *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004. p. 195–247.
7. Петровский-Штерн Й. *Евреи в русской армии 1827–1914*. Москва: Новое литературное обозрение; 2003.
8. Мехедько ВА. Гомельский погром 1903 года: этнический конфликт или гражданская война? В: *Евреи Беларуси: история и культура: сборник научных трудов. Выпуск 3–4*. Минск: Арти-Фекс; 1998. с. 35–48.
9. Мехедько ВА. Антиеврейские погромы в Беларуси в начале XX века: генезис, мотивы, исполнители. В: Киштымов АЛ, Мехедько ВА, Райский ВЯ, редакторы. *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX начало XX веков)*. Гомель: ГОЕО Ахдут; 2004. с. 82–90.
10. Райский ВЯ. Как это было? (Гомель, 29 августа и 1–2 сентября 1903 г.). В: Киштымов АЛ, Мехедько ВА, Райский ВЯ, редакторы. *Евреи в Гомеле. История и культура (Конец XIX начало XX веков)*. Гомель: ГОЕО Ахдут; 2004. с. 91–97.
11. Brubaker R, Laitin DD. Ethnic and Nationalist Violence. *Annual Review of Sociology*. 1998;24:423–452. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.423>.
12. Markowski A. Anti-Jewish Pogroms in the Kingdom of Poland. In: Dynner G, Polonsky A, Wodziński M, editors. *Polin. Studies in Polish Jewry. Vol. 27: Jews in the Kingdom of Poland, 1815–1918*. Liverpool; 2015. p. 219–255.
13. Бядуля З. *Жыды на Беларусі. Бытавыя штрыхі*. Менск: Друкарня Я. А. Грынблата; 1918.
14. Мехедько ВА. Власть, революция и погромы в Беларуси в начале XX в. *Цайтшрифт*. 2013;8(3):20–34.
15. Степанов С. *Черная сотня*. Москва: Эксмо, Яуза; 2005.
16. Аманжолова ДА. *Еврейские погромы в Российской империи. 1900–1916*. Москва: Айро-XX; 1998.
17. Levin V. Socialiniai, ekonominiai, demografiniai bei geografiniai žydų bendruomenės Lietuvoje bruožai. In: Sirutavičius V, Staliūnas D, Šiaučiūnaitė-Verbickienė J, editors. *Lietuvos žydai. Istorinė studija*. Vilnius: Baltos lankos; 2012. p. 153–189.
18. Senechal de la Roche R. Collective Violence as Social Control. *Sociological Forum*. 1996;11(1):97–128.
19. Kahan A. *Essays in Jewish Social and Economic History*. Chicago; London: University of Chicago Press; 1986.

20. Mendelsohn E. *Class Struggle in the Pale: The Formative Years of the Jewish Workers Movement in Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press; 1970.
21. Френкель Й. *Пророчество и политика. Социализм, национализм и русское еврейство 1862–1917*. Москва: Мосты культуры; 2008.
22. Löwe H-D. *The Tsars and the Jews. Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917*. Chur, Langhorne: Routledge; 1993.
23. Surh GD. Russia's 1905 Era Pogroms Reexamined. *Canadian American Slavic Studies*. 2010;44:253–295.
24. Rohdewald S. «Vom Polocker Venedig». *Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittealter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 2005.

References

1. Staliūnas D. *Enemies for a Day: Antisemitism and Anti-Jewish Violence in Lithuania under the Tsars*. Budapest, New York: Central European University Press; 2015.
2. Dubnov SM. *Noveishaya istoriya evreiskogo naroda. Tom 3: 1881–1914* [The recent history of the Jewish people. Volume 3: 1881–1914]. Berlin: Grani; 1923. Russian.
3. Staliūnas D, editor. *Spatial Concepts of Lithuania in the Long Nineteenth Century*. Boston: Academic Studies Press; 2016.
4. Bergmann W. Ethnic Riots in Situations of Loss of Control: Revolution, Civil War, and Regime Change as Opportunity Structures for Anti-Jewish Violence in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. In: Heitmeyer W, Haupt H-G, Malthaner S, Kirschner A. *Control of Violence. Historical and International Perspectives on Violence in Modern Societies*. New York: Springer-Verlag; 2011. p. 487–516.
5. Klier JD. *Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011.
6. Lambroza Sh. The pogroms of 1903–1906. In: Klier JD, editor. *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004. p. 195–247.
7. Petrovskii-Shtern J. *Evrei v russkoi armii 1827–1914* [Jews in the Russian army, 1827–1914]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2003. Russian.
8. Mekhed'ko VA. Gomel'skii pogrom 1903 goda: etnicheskii konflikt ili grazhdanskaya voyna? [Gomel' pogrom in 1903: Ethnic conflict or civil war?]. In: *Evrei Belarusi: istoriya i kul'tura: sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 3–4* [Jews in Belarus: History and culture. Volume 3–4]. Minsk: Arti-Feks; 1998. p. 35–48. Russian.
9. Mekhed'ko VA. Antievreiskie pogromy v Belarusi v nachale XX veka: genezis, motivy, ispolniteli [Anti-Jewish pogroms at the beginning of the 20th century: Genesis, Motives, and perpetrators]. In: Kishtymov AL, Mekhed'ko VA, Raiskii VYa, editors. *Evrei v Gomele. Istoriya i kul'tura (konets XIX nachalo XX vekov)* [Jews in Gomel'. History and Culture (End of the 19th – beginning of the 20th century)]. Gomel': GOEO Akhdut; 2004. P. 82–90. Russian.
10. Raiskii VYa. Kak eto bylo? (Gomel', 29 avgusta i 1–2 sentyabrya 1903 g.) [How it happened? (Gomel', August 29 and September 1–2 1903)]. In: Kishtymov AL, Mekhed'ko VA, Raiskii VYa, editors. *Evrei v Gomele. Istoriya i kul'tura (konets XIX nachalo XX vekov)* [Jews in Gomel'. History and Culture (End of the 19th – beginning of the 20th century)]. Gomel': GOEO Akhdut; 2004. p. 91–97. Russian.
11. Brubaker R, Laitin DD. Ethnic and Nationalist Violence. *Annual Review of Sociology*. 1998;24:423–452. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.423>.
12. Markowski A. Anti-Jewish Pogroms in the Kingdom of Poland. In: Dynner G, Polonsky A, Wodziński M. *Polin. Studies in Polish Jewry. Vol. 27: Jews in the Kingdom of Poland, 1815–1918*. Liverpool; 2015. p. 219–255.
13. Biadulia Z. *Zhydy na Belarusi. Bytavyia shtrykhi* [Jews in Belarus]. Minsk: Drukarnya Ya. A. Grynblata; 1918. Belarusian.
14. Mekhed'ko VA. Vlast', revolyutsiya i pogromy v Belarusi v nachale XX v. [Government, revolution and pogroms in Belarus at the beginning of the 20th century]. *Zeitschrift*. 2013;8(3):20–34. Russian.
15. Stepanov S. *Chernaya sotnya* [Black Hundreds]. Moscow: Eksmo; Yauza; 2005. Russian.
16. Amanzholova DA. *Evreiskie pogromy v Rossiiskoi imperii. 1900–1916* [Anti-Jewish pogroms in the Russian Empire. 1900–1916]. Moscow: Airo-XX; 1998. Russian.
17. Levin V. Social, Economic, Demographic and Geographical Characteristics of Lithuanian Jewry. In: Sirutavičius V, Staliūnas D, Šiaučiūnaitė-Verbickienė J. *Lithuanian Jews. Historical study*. Vilnius: Baltos lankos; 2012. p. 153–189. Lithuanian.
18. Senechal de la Roche R. Collective Violence as Social Control. *Sociological Forum*. 1996;11(1): 97–128.
19. Kahan A. *Essays in Jewish Social and Economic History*. Chicago, London: University of Chicago Press; 1986.
20. Mendelsohn E. *Class Struggle in the Pale: The Formative Years of the Jewish Workers Movement in Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press; 1970.
21. Frenkel' J. *Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917*. Cambridge: Cambridge University Press; 1984. Russian edition: Frenkel J. *Prorochestvo i politika. Sotsializm, natsionalizm i russkoe evreystvo 1862–1917*. Moscow: Mosty kul'tury; 2008.
22. Löwe H-D. *The Tsars and the Jews. Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917*. Chur; Langhorne; 1993.
23. Surh GD. Russia's 1905 Era Pogroms Reexamined. *Canadian American Slavic Studies*. 2010;44:253–295.
24. Rohdewald S. «Vom Polocker Venedig». *Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittealter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 2005. German.

Статья поступила в редколлегию 04.04.2018.
Received by editorial board 04.04.2018.